

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Бабанова Алексея Вячеславовича
«Этическая проблематика в философии Льва Шестова»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата философских наук
по специальности 09.00.05 – этика

Диссертационная работа А.В. Бабанова посвящена изучению этической составляющей идейного наследия одного из крупнейших представителей отечественной философской мысли конца XIX – первой половины XX вв. Льва Шестова. Актуальность и научная ценность избранной соискателем темы исследования очевидна, поскольку обращение к творчеству Шестова позволяет не только теоретически углубить и во многом переосмыслить традиционное понимание ряда классических проблем философского дискурса, таких как проблема свободы воли, соотношение этики и метафизики или дилемма разума и веры, но и создать необходимые предпосылки для обретения персонального опыта экзистенциального переживания трагичности человеческого присутствия в мире, где царят зло, страдание и смерть.

Остро ощущая вопиющую недостоверность подобного положения вещей, Шестов отказывается видеть в ней лишь досадную цепочку рационально устранимых проявлений моральной несправедливости. Напротив, в основании этой этико-аксиологической абсурдности сущего мыслитель обнаруживает онтологический казус узурпировавшего власть над жизнью разума. Именно он, присвоив себе исключительное право конституировать гносеологические и императивные принципы человеческого существования, по сути, легитимизирует зло, принуждая нас не только примириться с фактом его неизбежности и неустранимости, но и допустить его позитивность в качестве логически необходимой антитезы добру, вне которой невозможно осознанное различение области «должного» и «недолжного». Эта спекулятивная схематизация фатально расщепленного надвое бытия, всецело подчиненного рациональной intersubjectивности и универсальной нормативности морального закона, чрезвычайно удручает Шестова, ибо лишает конкретного индивида не только права, но и самой возможности действовать по-настоящему свободно в условиях уникально-спонтанного поведенческого выбора. А потому Шестов категорически не приемлет любые, навязанные разумом, корреляции понятия «этического» как пространства рационально детерминированной императивно-ценностной необходимости. И особенно те, которые отождествляют его с такими концептами, как «автономное добро», «моральный закон», «моральная оценка» и «добродетель покорности».

Однако критика морали отнюдь не исчерпывает всего содержания этических размышлений Шестова. Ведь любая критика, если задуматься, есть утверждение наиболее предпочтительного в противовес отвергаемому, что в случае с критикой морали приводит к известному парадоксу морального нигилизма. А потому, апеллируя к идеям А.А. Гусейнова о сверхэтическом уровне этики и парадоксе морального нигилизма, автор выдвигает гипотезу о двухуровневой конфигурации

этического мышления Шестова, отражающую фундаментальную антитезу «этического» и «сверхэтического». При этом первое, выступающее в качестве продукта деонтологического насилия морального разума над свободным волением устремленной к добру личности и олицетворяемое для Шестова универсализированной моделью этики стоицизма, является предметом неприемлимой критики философа, в то время как второе, концептуально представленное этикой веры, постулирующей абсолютную «свободу к добру» как высший творческий акт полного искоренения зла, служит необходимым основанием этой критики. В результате, генеральная оппозиция «этического» как рационального суррогата морали и «сверхэтического» как ее эйдетической подлинности реконструируется и анализируется в форме соотношения негативного и позитивного аспектов содержания нравственной философии Шестова, что и составляет ядро исследовательского проекта диссертанта.

Причем, в первую очередь, как подчеркивает сам соискатель, его работа направлена на выявление и интерпретацию позитивного содержания этико-философской мысли Шестова. Этот акцент диссертант, солидаризируясь с Н.А. Бердяевым, обосновывает тем, что в своем негативно-критическом восприятии рационализма мысль Шестова гораздо прозрачнее и проще для понимания, чем в части позитивно-утверждающей, а, значит, раскрыть и квалифицировать положительный смысл его идей существенно сложнее, чем выяснить, против чего борется мыслитель. Не случайно, авторская трактовка двухуровневой структуры этического рассуждения Шестова обнаруживает некоторую неоднозначность или недосказанность. Так, соискатель подчеркивает, что присущая Шестову «двоичная» логика мышления находит свое выражение и в «ценностной оппозиции должного и недолжного» (с. 17), парадоксальным образом дублирующей антиномию «сверхэтического» и «этического», несмотря на то, что сам Шестов недвусмысленно декларирует неизбежность преодоления «этического», неотъемлемым атрибутом которого и является долженствование как таковое.

Сказанное выше, впрочем, отнюдь не умаляет очевидных достоинств и научной значимости настоящей диссертационной работы, которая, несомненно, является новаторской, т.к. представляет собой первое специализированное исследование на русском языке, посвященное целостному осмыслению философского наследия Шестова как этики, имеющей два взаимосвязанных уровня: «этический» и «сверхэтический».

В связи с этим, следует учесть, что заявленная соискателем цель исследования формулируется как «реконструкция теоретического содержания этической проблематики философии Шестова» (с. 14) с одним существенным для правильного понимания авторского замысла дополнением: «основное теоретическое содержание этики Шестова заключается не столько в критике морали, сколько в том, на чем основывается эта критика, – в этике веры, сформировавшейся во второй половине творческого пути мыслителя» (с. 15). Прочитанное замечание вполне объясняет ту диспропорциональность, которая отличает структурную

композицию представленной диссертации: только один ее параграф – первый параграф первой главы, которая называется «Два уровня этико-философской мысли Л. Шестова», – посвящен рассмотрению этического уровня мышления философа, в то время как все остальное содержание работы сводится к анализу следствий парадокса морального нигилизма, сопоставлению ключевых историко-философских моделей преодоления «этического», предложенных Сократом, Ф. Ницше и С. Кьеркегором, и осмыслению перспективы перехода на уровень «сверхэтического», представленный у Шестова этикой веры. Очевидно, что последняя выступает в качестве безусловной содержательной доминанты и концептуального каркаса всего исследования в целом, поскольку ее реконструкции и компаративному анализу в контексте истории европейской и отечественной философской культуры отводятся три из четырех глав диссертационного сочинения: глава вторая «Этика веры Л. Шестова», глава третья «Два смысла веры в философии Шестова: вера-свобода и вера-усилие (сравнительный анализ идеи веры Л. Шестова и Л. Толстого)» и заключительная, четвертая, глава «Вера как экзистенциальное мышление. Три образа верующего».

Этика веры как квинтэссенция позитивного смысла философского мышления Шестова есть экзистенциальный порыв индивидуальной воли к окончательной победе над злом во всех его измерениях и проявлениях. Этот волюнтаристский манифест против разумной необходимости в любой из ее ипостасей (факта, истины, нормы или рока) по сути своей является не чем иным, как апофеозом борьбы за отмену прошлого зла и торжество абсолютного добра. В этой борьбе Шестов уповает на силу добродетели «дерзновения». Именно она противостоит ницшеанской добродетели «великодушного принятия прошлого» и стоической добродетели «покорности судьбе», которые расцениваются русским мыслителем как следствия греха бессилия воли преодолеть неотвратимость и необратимость случившегося. Тем самым, этическому интеллектуализму Шестов категорически противопоставляет идею веры, а знаковая для него терлуллиановская формула «Афины» или «Иерусалим» оказывается символическим выражением дихотомии «этического» и «сверхэтического».

Сам же концепт веры рассматривается диссертантом в двух ракурсах: смысловом и динамическом. В первом случае, речь идет об установлении и соотнесении трех основных смыслов веры у Шестова: «веры-свободы», «веры-усилия» и «веры-мышления», во втором, – о последовательности трех ступеней становления этики веры, олицетворяемых тремя образами верующего: «человека из подполья» Ф.М. Достоевского, Иова и Авраама.

Раскрытие первых двух смыслов веры – «веры-свободы» и «веры-усилия» – составляет содержание отдельной, предпоследней, главы диссертационного исследования, построенной по принципу компаративного контраста трактовок веры Шестовым и Л.Н. Толстым. Данный раздел работы очень показателен в плане демонстрации характерных особенностей аналитической тактики соискателя, склонного ради максимального прояснения специфики взглядов Шестова по

тому или иному вопросу вновь и вновь прибегать к их сопоставлению с точкой зрения мыслителя-антипода, в роли которого на этот раз вполне предсказуемо выступает Лев Толстой. Именно его доктрина «разумной веры» как паритетного альянса веры и разума в деле постижения истинного смысла жизни используется диссертантом в качестве идейного фона, позволяющего наиболее отчетливо увидеть всю глубину и остроту антигносеологических, антинормативистских и персоналистических интенций этической мысли Шестова.

Итоговой задачей исследования становится интерпретация третьего смысла веры, согласно классификации Шестова, а, именно, «веры-мышления» или экзистенциального мышления, которое экстатически аккумулирует в себе «живую» творческую реальность бытия человека и мира и актуализирует заветное «сверхэтическое» тождество сущего и должного, синтез онтологии и этики. Таким образом, символический круг авторских рассуждений замыкается, и их исходная посылка об экзистенциальных предпочтениях Шестова в области решения этико-аксиологических проблем находит свое убедительное подтверждение.

Следует заметить, что существенной особенностью диссертации является ее весьма значительный объем, составляющий около 200 страниц, что можно считать следствием масштабности исследовательских задач и научной добросовестности автора, демонстрирующего стремление к максимальной полноте формулирования и аргументирования своих гипотез и выводов. К очевидным достоинствам представленной работы стоит также отнести ее стилистическое соответствие жанру диссертационного исследования и привлечение соискателем обширного круга источников и исследовательской литературы, в том числе на иностранных языках.

В целом, диссертационная работа А.В. Бабанова представляет собой законченное самостоятельное исследование, результаты которого могут быть интересны и полезны как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Вместе с тем, учитывая фундаментальный характер и несомненную научную ценность представленной диссертации, считаю возможным вместо традиционных по форме замечаний, указывающих на недостатки работы, задать ряд вопросов, которые носят полемический характер и призваны послужить эвристическим катализатором дальнейших размышлений:

1. В структуре диссертационного сочинения прослеживается некое чередование, условно говоря, «монологических» и «диалогических» разделов. Так, к первому типу явно относятся первый параграф первой главы, первый параграф третьей главы и, отчасти, заключительный параграф четвертой главы, где авторская манера изложения тяготеет к констатирующей реферативности в отношении идей самого Шестова, в то время как в рамках остальных разделов работы, по признанию самого же соискателя, преимущественно «применяется сравнительно-исторический анализ идей Шестова и философских идей тех мыслителей, с кем он находится в постоянном диалоге (Ф. Ницше, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский)» (с. 15). В связи с этим возникает вопрос: чем обусловлена эта структурно-методологическая специфика диссертационной работы? Некото-

рым дефицитом самодостаточности авторской позиции или избыточностью смысловых нюансов этико-философских построений самого Шестова? Иными словами, готов ли исследователь со всей ответственностью дистанцироваться от них и вступить с ними в полемику от своего собственного имени, не идентифицируя свою критику с мнением кого-либо из известных оппонентов Шестова, или он предпочитает роль их адепта?

2. Второй вопрос касается особенностей авторской интерпретации центрального в рамках данного исследования концепта «сверхэтическое»: является ли оно по отношению к морали высшей инстанцией, которая ее с необходимостью завершает, т.е. реализует ее потенциал во всей его подлинности и полноте, или контрпарадигмой, нацеленной на ее радикальное преодоление?

3. И, наконец, третий, итоговый в свете исследовательской стратегии диссертанта вопрос: возможна ли исчерпывающая координация тех ключевых типологических «триад», которые отражают соотношение трех смыслов веры, в понимании Шестова, и трех стадий развития его этики веры, соответствующих, как известно, трем «живым образам-индивидуальностям» верующего человека?

Высказанные соображения, однако, не снижают данной нами ранее высокой оценки диссертационной работы А.В. Бабанова как оригинального и вполне состоявшегося научного исследования в области этики. Таким образом, принимая во внимание все сказанное выше, можно сделать вывод о том, что диссертация А.В. Бабанова «Этическая проблематика в философии Льва Шестова» отвечает требованиям «Положения о порядке присуждения учёных степеней», её содержание соответствует специальности 09.00.05 – этика, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук.

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой
гуманитарных дисциплин
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

М.Л. Гельфонд